

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 8 (2323). Суббота, 22 февраля 1947 г. Цена 50 коп.

МИНИСТР ОРУЖИЕННЫХ СИЛ СССР ГЕНЕРАЛИССИМУС СОВЕТСКОГО СОЮЗА И. В. СТАЛИН

ОВЕЯННАЯ СЛАВОЙ

Народы великой страны социализма встречают 29-ю годовщину своей защитницы, Советской Армии, овеянной славой всемирно-исторических побед. День ее рождения — всенародный праздник.

Ленин и Сталин были создателями этой могущественной армии нового типа, составляющей одно целое, одну семью с народом. Под руководством партии Ленина — Сталина в боевом братстве всех народов нашей страны, молодая Красная Армия разгромила объединенные силы интервентов, четыредцать государств и внутреннюю контрреволюцию и с честью отстояла великие завоевания Октября.

Наша армия чужда каким-либо захватническим интересам. Единственная в мире армия мира, она стоит на страже человеческой культуры и прогресса. Советская Армия выражает в самом существе своем живое, жизнестойкое, жизнестойкое начало нашего справедливого строя. Солдат Советской Армии в глазах народа является собой высший нравственный пример самоотверженного советского патриота.

Именно это замечательное качество сделало советского воина одним из основных героев нового социалистического искусства, новой литературы. Образ «человека с ружьем», воина Красной Армии занял в молодой советской литературе свое место, как вдохновляющий образ защитника, трудящегося от ига угнетателей, борца за народное счастье и за передовые идеалы человечества.

Советский писатель — кровный брат советского воина, он также солдат своей социалистической родины, его эмоциональный и призывный — на самоотверженную борьбу со старым гнием, за победу великих идеалов коммунизма. Лучшим и достойным определением своего стиха поэт революционер Вл. Маяковский считал его строки: «В боях на полях гражданской войны пришла и росла новая Красная Армия, и именно из ее рядов вышло первое поколение советских писателей, знавших в литературе столь же активную, наступательную позицию, какую они занимали и в жизни. Славящие отзвуки великих битв гражданской войны лежали на страницах книг, созданных в первые годы существования нашей литературы, и лучшие из этих книг запылали неугасимым огнем, зажигающим сердца».

Вместе с успехами социалистического строительства крепились Вооруженные Силы Советского Союза, их материальное и духовное могущество. Сталинская Конституция провозгласила священным долг советских граждан защищать свое Отечество. Советский народ хорошо понимал, что его благородный подвижнический труд вызывает одобрение всех честных сил мира, что слава и почести Красной Армии, и именно из ее рядов вышло первое поколение советских писателей, знавших в литературе столь же активную, наступательную позицию, какую они занимали и в жизни. Славящие отзвуки великих битв гражданской войны лежали на страницах книг, созданных в первые годы существования нашей литературы, и лучшие из этих книг запылали неугасимым огнем, зажигающим сердца».

Вместе с успехами социалистического строительства крепились Вооруженные Силы Советского Союза, их материальное и духовное могущество. Сталинская Конституция провозгласила священным долг советских граждан защищать свое Отечество. Советский народ хорошо понимал, что его благородный подвижнический труд вызывает одобрение всех честных сил мира, что слава и почести Красной Армии, и именно из ее рядов вышло первое поколение советских писателей, знавших в литературе столь же активную, наступательную позицию, какую они занимали и в жизни. Славящие отзвуки великих битв гражданской войны лежали на страницах книг, созданных в первые годы существования нашей литературы, и лучшие из этих книг запылали неугасимым огнем, зажигающим сердца».

Перья штампуя от той же стали, которая завтра пойдет на штыки. Основательница социалистической литературы Алексей Максимович Горький просто и ясно сказал о тех особенных отношениях, которые сложились между писателем и литератором в социалистической стране. «И если вступит война против врагов, силами которого и живую и рабо-

ботом, — писал он, — я тоже пойду рядами бойцов в его армию. Пойду не потому, что знаю — именно она победит, — а потому, что великое справедливое дело рабочего класса Советов — это мое законное дело, мой долг».

Когда немецко-фашистские захватчики вероломно напали на нашу страну, весь советский народ поднялся на ее защиту. Теснее, чем когда бы то ни было, все народы нашей родины объединились и сплотились вокруг большевистской партии, советского правительства и мудрого Сталина.

Советские писатели, влившись в ряды армии, с честью выполнили свой патриотический долг. Они были на передовой линии огня. Небывалая в истории форма связи писателя с фронтом, осуществленная многонациональным отрядом советской литературы в годы Великой Отечественной войны, позволила писателям в полной мере участвовать в великом историческом событии, в истории существования литературы с такой исключительной полнотой осуществлялись мечты великих ее творцов. Голос писателя «звучал, как колокол на башне вехов», слово писателя стало «шоловом человеческой силы».

Красная Армия вынесла на своих плечах великую тяжесть борьбы против фашизма и предвещала энической Сталинградской победой исход второй мировой войны. Под Москвой был нанесен первый мощный удар по врагу, а через год от стен непокоримого Сталинграда мощно двинулась неуязвимая лавина нашего наступления, неся освобождение и советским людям и народам Европы, изнывавшим под пятой фашизма.

Обстановка, создававшаяся в конце войны, означала, что Советский Союз в состоянии без помощи союзников, своими собственными силами оккупировать всю Германию и осуществить освобождение Франции. Такие успехи, достигнутые нашей армией в войне с немецкими фашистами. Осенью 1945 года Красная Армия в короткий срок разгромила на Дальнем Востоке японскую Квантунскую армию и этим принудила империалистическую Японию немедленно капитулировать перед союзными армиями.

Наша армия принесла человечеству долгожданную мир. «Советские люди воочию убедились, что они смело могут положиться на Красную Армию» (И. Сталин). Она завоевала любовь и уважение всего передового человечества. Ее невиданные победы были результатом гениального сталинского руководства. С именем Сталина связана вся жизнь нашей армии, он вместе с великим Лениным стоял у ее колыбели, он заложил ее организационные основы, под его руководством советский народ выковал могучее оружие для своей армии. Сталин — творец победоносной военной советской науки, он волею армия в бой, и каждый ее боец нес в себе частичку сталинской вдохновенности и целеустремленности, искру его горячего сердца. Великий Сталин привнес нашу страну к славе и полной победе.

Могучий парос освобождения борьбы советского народа вдохновил наших писателей на плодотворный творческий труд. За годы войны писатели братских советских республик создали в прозе, поэзии, драматургии целый ряд глубоких, волнующих произведений, посвященных войне, рисующих героический облик советского воина.

Великая Отечественная война и личное участие в ней писателей обогатили нашу литературу качественно, подняли ее на новую идейную и художественную ступень. Советское государство вышло из войны еще более мощным и окрепшим. Советский народ, обогащенный опытом суровой и напряженной борьбы, вернулся к созидательной работе. Преодолевая многочисленные трудности послевоенного развития, наш народ уже добился значительных результатов в выполнении нового сталинского пятилетнего плана. Грандиозные наши замыслы, по делу великой цели рождается и великая энергия. На всю страну прозвучал пламенный патристический призыв Ленинградских мастеров и служащих советской промышленности широко развернуть всеобщее социалистическое соревнование за выполнение производственных планов вперед года новой сталинской пятилетки к 7 ноября 1947 года, достойно встретить знаменательную годовщину тридцатилетия Октября.

В годы Великой Отечественной войны духовное общение и боевое сотрудничество писателей с народом достигли высшего ступени, литература обогатилась новым драгоценным опытом оперативного вмешательства в жизнь. Этот выдающийся в сражениях опыт должен быть твердо закреплен нашими писателями. Умение, пользуясь материальными средствами, создавать величественные памятники ей, всегда была одной из основных традиций советской литературы и величайшим достоинством советского писателя. Народы социалистической Родины с уверенностью ждут от своих писателей новых, глубоких, волнующих произведений на темы современной жизни.

Завтра исполняется 29 лет доблестной Советской Армии. Да здравствуют Вооруженные Силы нашей могучей Родины! Да здравствует наш любимый вождь и гениальный полководец великий Сталин!

П. ПАВЛЕНКО ВОЕННЫЕ ВСТРЕЧИ

В своем новом романе «Счастье» П. Павленко рассказывает о восстановлении опустошенного немцами Крыма, о возрождении колхозов, о переселенцах, по-новому обживающих край. Герой романа — полковник Воропаев, демобилизованный после ампутиации ноги, тяжело больной приезжает в Крым с намерением лечиться самому и лечить своего больного сына. Воропаев кажется, что у него не остается перспектив личного счастья. Но с первой же дня своей жизни в Крыму он становится одним из деятельных участников кипучего творческого труда. Он живет в колхозе, его увлечение колхозными делами, работа агитатора, благотворительный воздух — помогают ему залечить свои душевные и физические раны и найти счастье.

И пробивал этой дивизией первую, еще едва различимую щель в обороне противника. Глаза Воропаева были мокры от слез. «Не вернется уже более эта жизнь, не увижу я никого из них», и горько вздохнул, он стал смотреть на дорогу, чтобы оторваться от своих видений, но видения были сильными и навязчивыми. Скрипя и качаясь, машина бежала по извилистому шоссе. Воропаев подбрасывало в пустом и легком кузове и от тряски, катаясь, а может, еще и от голода слегка укачивало. Было уже совсем темно. Горы, казались, спускались вниз, а тучи нарастали над горами, а море волновало на ближней кривой неба, забрызганный пятнами первых, еще тусклых звезд.

В воздухе повисало тепло и выхлоп. И все-таки воздух был сладок, холодно-ветрено и влажно-сладок. Отсыревшие руки были липки от его сладости. Он был, как воздушный отар цветков, остуженный ветром. Он был, как воспоминание о давно прошедшей молодости. Он был болезненно-бодр. «А Горев в своем туго окрашенном халате, не уже густо окровавленном халате, должно быть, где-нибудь в полку, в батальоне, на какой-нибудь сумасшедшей переправе, куда она, конечно, обязательно направится с группой медсестер, уследившая в помощь фельдшером, и уже когда-то «срывает» кого-то шпатель под гротом и тряску бомбежки. И ярко, точно в заре молнии, Воропаев вспомнил свою первую встречу с Горевой, встречу удивительную и редкую по своеобразной фронтальной красоте. Это было... Где же это, позвольте, было? Весною, да-да, весною, на Украине, где-то на Нижнем Днепре. Он, Воропаев, возвращался в дивизию после третьего своего ранения, и пробка перед понтонной задержкой и в прибрежном селе.

Если бы художник вознамерился написать его портрет, то он должен был бы выбрать именно эту пору, как наиболее характерную для любого часа его боевых суток. Он завтракал и читал газету только в те минуты, когда ему массировали левую руку. Увидел он и генерала из солдат и солдата из профессор. Дмитрия Тимофеевича Шемилуна, члена Военного совета, человека, в которого поговорно была влюблена вся армия.

«А Никита Алексеевич, должно быть, как всегда, впереди», — подумал Воропаев о том командире корпуса, у которого он в последние время был заместителем по политической части, — и сердце его сжалось от зависти к тем, кто там, и жалости к самому себе. Какая суета, какое напряжение сейчас у Никиты! Сам он, должно быть, не спавший сутки трое, охрипший, но неизменно веселый, сбитый — как всегда — «на шее» у командиров полка и командиром дивизии, а ты и командир полка и рассказывал анекдоты, которые не позже, чем через час, становились известны в ротах, и выслушивает себе в книжку наблюдения и впечатления для вечернего ризоса в приказе по корпусу. Или, может быть, как под Песами, в критический момент гигантской, еще не определенной операции, он сейчас говорит кому-нибудь из командиров дивизии: «Ну, дорогой Антон Степаныч, возглавляю, милый полк, а я, по старой памяти, займусь твоей дивизией и давай дадим с тобой такого жару, чтоб, понимаешь... чтоб от нас с тобой им ни пуха не осталось...»

«А Никита Алексеевич, должно быть, как всегда, впереди», — подумал Воропаев о том командире корпуса, у которого он в последние время был заместителем по политической части, — и сердце его сжалось от зависти к тем, кто там, и жалости к самому себе. Какая суета, какое напряжение сейчас у Никиты! Сам он, должно быть, не спавший сутки трое, охрипший, но неизменно веселый, сбитый — как всегда — «на шее» у командиров полка и командиром дивизии, а ты и командир полка и рассказывал анекдоты, которые не позже, чем через час, становились известны в ротах, и выслушивает себе в книжку наблюдения и впечатления для вечернего ризоса в приказе по корпусу. Или, может быть, как под Песами, в критический момент гигантской, еще не определенной операции, он сейчас говорит кому-нибудь из командиров дивизии: «Ну, дорогой Антон Степаныч, возглавляю, милый полк, а я, по старой памяти, займусь твоей дивизией и давай дадим с тобой такого жару, чтоб, понимаешь... чтоб от нас с тобой им ни пуха не осталось...»

«А Никита Алексеевич, должно быть, как всегда, впереди», — подумал Воропаев о том командире корпуса, у которого он в последние время был заместителем по политической части, — и сердце его сжалось от зависти к тем, кто там, и жалости к самому себе. Какая суета, какое напряжение сейчас у Никиты! Сам он, должно быть, не спавший сутки трое, охрипший, но неизменно веселый, сбитый — как всегда — «на шее» у командиров полка и командиром дивизии, а ты и командир полка и рассказывал анекдоты, которые не позже, чем через час, становились известны в ротах, и выслушивает себе в книжку наблюдения и впечатления для вечернего ризоса в приказе по корпусу. Или, может быть, как под Песами, в критический момент гигантской, еще не определенной операции, он сейчас говорит кому-нибудь из командиров дивизии: «Ну, дорогой Антон Степаныч, возглавляю, милый полк, а я, по старой памяти, займусь твоей дивизией и давай дадим с тобой такого жару, чтоб, понимаешь... чтоб от нас с тобой им ни пуха не осталось...»

«А Никита Алексеевич, должно быть, как всегда, впереди», — подумал Воропаев о том командире корпуса, у которого он в последние время был заместителем по политической части, — и сердце его сжалось от зависти к тем, кто там, и жалости к самому себе. Какая суета, какое напряжение сейчас у Никиты! Сам он, должно быть, не спавший сутки трое, охрипший, но неизменно веселый, сбитый — как всегда — «на шее» у командиров полка и командиром дивизии, а ты и командир полка и рассказывал анекдоты, которые не позже, чем через час, становились известны в ротах, и выслушивает себе в книжку наблюдения и впечатления для вечернего ризоса в приказе по корпусу. Или, может быть, как под Песами, в критический момент гигантской, еще не определенной операции, он сейчас говорит кому-нибудь из командиров дивизии: «Ну, дорогой Антон Степаныч, возглавляю, милый полк, а я, по старой памяти, займусь твоей дивизией и давай дадим с тобой такого жару, чтоб, понимаешь... чтоб от нас с тобой им ни пуха не осталось...»

«А Никита Алексеевич, должно быть, как всегда, впереди», — подумал Воропаев о том командире корпуса, у которого он в последние время был заместителем по политической части, — и сердце его сжалось от зависти к тем, кто там, и жалости к самому себе. Какая суета, какое напряжение сейчас у Никиты! Сам он, должно быть, не спавший сутки трое, охрипший, но неизменно веселый, сбитый — как всегда — «на шее» у командиров полка и командиром дивизии, а ты и командир полка и рассказывал анекдоты, которые не позже, чем через час, становились известны в ротах, и выслушивает себе в книжку наблюдения и впечатления для вечернего ризоса в приказе по корпусу. Или, может быть, как под Песами, в критический момент гигантской, еще не определенной операции, он сейчас говорит кому-нибудь из командиров дивизии: «Ну, дорогой Антон Степаныч, возглавляю, милый полк, а я, по старой памяти, займусь твоей дивизией и давай дадим с тобой такого жару, чтоб, понимаешь... чтоб от нас с тобой им ни пуха не осталось...»

«А Никита Алексеевич, должно быть, как всегда, впереди», — подумал Воропаев о том командире корпуса, у которого он в последние время был заместителем по политической части, — и сердце его сжалось от зависти к тем, кто там, и жалости к самому себе. Какая суета, какое напряжение сейчас у Никиты! Сам он, должно быть, не спавший сутки трое, охрипший, но неизменно веселый, сбитый — как всегда — «на шее» у командиров полка и командиром дивизии, а ты и командир полка и рассказывал анекдоты, которые не позже, чем через час, становились известны в ротах, и выслушивает себе в книжку наблюдения и впечатления для вечернего ризоса в приказе по корпусу. Или, может быть, как под Песами, в критический момент гигантской, еще не определенной операции, он сейчас говорит кому-нибудь из командиров дивизии: «Ну, дорогой Антон Степаныч, возглавляю, милый полк, а я, по старой памяти, займусь твоей дивизией и давай дадим с тобой такого жару, чтоб, понимаешь... чтоб от нас с тобой им ни пуха не осталось...»

«А Никита Алексеевич, должно быть, как всегда, впереди», — подумал Воропаев о том командире корпуса, у которого он в последние время был заместителем по политической части, — и сердце его сжалось от зависти к тем, кто там, и жалости к самому себе. Какая суета, какое напряжение сейчас у Никиты! Сам он, должно быть, не спавший сутки трое, охрипший, но неизменно веселый, сбитый — как всегда — «на шее» у командиров полка и командиром дивизии, а ты и командир полка и рассказывал анекдоты, которые не позже, чем через час, становились известны в ротах, и выслушивает себе в книжку наблюдения и впечатления для вечернего ризоса в приказе по корпусу. Или, может быть, как под Песами, в критический момент гигантской, еще не определенной операции, он сейчас говорит кому-нибудь из командиров дивизии: «Ну, дорогой Антон Степаныч, возглавляю, милый полк, а я, по старой памяти, займусь твоей дивизией и давай дадим с тобой такого жару, чтоб, понимаешь... чтоб от нас с тобой им ни пуха не осталось...»

«А Никита Алексеевич, должно быть, как всегда, впереди», — подумал Воропаев о том командире корпуса, у которого он в последние время был заместителем по политической части, — и сердце его сжалось от зависти к тем, кто там, и жалости к самому себе. Какая суета, какое напряжение сейчас у Никиты! Сам он, должно быть, не спавший сутки трое, охрипший, но неизменно веселый, сбитый — как всегда — «на шее» у командиров полка и командиром дивизии, а ты и командир полка и рассказывал анекдоты, которые не позже, чем через час, становились известны в ротах, и выслушивает себе в книжку наблюдения и впечатления для вечернего ризоса в приказе по корпусу. Или, может быть, как под Песами, в критический момент гигантской, еще не определенной операции, он сейчас говорит кому-нибудь из командиров дивизии: «Ну, дорогой Антон Степаныч, возглавляю, милый полк, а я, по старой памяти, займусь твоей дивизией и давай дадим с тобой такого жару, чтоб, понимаешь... чтоб от нас с тобой им ни пуха не осталось...»

«А Никита Алексеевич, должно быть, как всегда, впереди», — подумал Воропаев о том командире корпуса, у которого он в последние время был заместителем по политической части, — и сердце его сжалось от зависти к тем, кто там, и жалости к самому себе. Какая суета, какое напряжение сейчас у Никиты! Сам он, должно быть, не спавший сутки трое, охрипший, но неизменно веселый, сбитый — как всегда — «на шее» у командиров полка и командиром дивизии, а ты и командир полка и рассказывал анекдоты, которые не позже, чем через час, становились известны в ротах, и выслушивает себе в книжку наблюдения и впечатления для вечернего ризоса в приказе по корпусу. Или, может быть, как под Песами, в критический момент гигантской, еще не определенной операции, он сейчас говорит кому-нибудь из командиров дивизии: «Ну, дорогой Антон Степаныч, возглавляю, милый полк, а я, по старой памяти, займусь твоей дивизией и давай дадим с тобой такого жару, чтоб, понимаешь... чтоб от нас с тобой им ни пуха не осталось...»

«А Никита Алексеевич, должно быть, как всегда, впереди», — подумал Воропаев о том командире корпуса, у которого он в последние время был заместителем по политической части, — и сердце его сжалось от зависти к тем, кто там, и жалости к самому себе. Какая суета, какое напряжение сейчас у Никиты! Сам он, должно быть, не спавший сутки трое, охрипший, но неизменно веселый, сбитый — как всегда — «на шее» у командиров полка и командиром дивизии, а ты и командир полка и рассказывал анекдоты, которые не позже, чем через час, становились известны в ротах, и выслушивает себе в книжку наблюдения и впечатления для вечернего ризоса в приказе по корпусу. Или, может быть, как под Песами, в критический момент гигантской, еще не определенной операции, он сейчас говорит кому-нибудь из командиров дивизии: «Ну, дорогой Антон Степаныч, возглавляю, милый полк, а я, по старой памяти, займусь твоей дивизией и давай дадим с тобой такого жару, чтоб, понимаешь... чтоб от нас с тобой им ни пуха не осталось...»

«А Никита Алексеевич, должно быть, как всегда, впереди», — подумал Воропаев о том командире корпуса, у которого он в последние время был заместителем по политической части, — и сердце его сжалось от зависти к тем, кто там, и жалости к самому себе. Какая суета, какое напряжение сейчас у Никиты! Сам он, должно быть, не спавший сутки трое, охрипший, но неизменно веселый, сбитый — как всегда — «на шее» у командиров полка и командиром дивизии, а ты и командир полка и рассказывал анекдоты, которые не позже, чем через час, становились известны в ротах, и выслушивает себе в книжку наблюдения и впечатления для вечернего ризоса в приказе по корпусу. Или, может быть, как под Песами, в критический момент гигантской, еще не определенной операции, он сейчас говорит кому-нибудь из командиров дивизии: «Ну, дорогой Антон Степаныч, возглавляю, милый полк, а я, по старой памяти, займусь твоей дивизией и давай дадим с тобой такого жару, чтоб, понимаешь... чтоб от нас с тобой им ни пуха не осталось...»

Навстречу Всесоюзному совещанию молодых писателей

Грузия

ТБИЛИСИ. (От наш. корр.). В связи с предстоящим Всесоюзным совещанием ССП совместно с ЦК ЛКСМ Грузии наметил провести трехдневный республиканский сбор-совещание молодых писателей Грузинской ССР.

— На совещании, — сообщил в беседе с нашим корреспондентом ответственный секретарь правления ССП Грузии А. Гоманшвили, — будут заслушаны доклады о творчестве молодых писателей, организуется консультационная и докладная комиссия по истории литературы, истории, текущей мировой политике, произведениям классиков марксизма и т. д. Молодые писатели прочтут свои лучшие произведения, которые будут всесторонне обсуждены.

Перед республиканским совещанием группа молодых писателей Грузии выехала в 20-дневные творческие командировки в различные промышленные и сельскохозяйственные районы республики. М. Лебанидзе, О. Чепелидзе, Т. Джангулашвили, В. Сулабегидзе, А. Абшилава, М. Ломсадзе и М. Порчиладзе по инициативе Союза писателей и ЦК ЛКСМ Грузии знакомятся с индустриальной и хозяйственной жизнью республики, с крупнейшими новостройками новой сталинской пятилетки. На местах они принимают активное участие в добровольной кампании по выборам в Верховный Совет Грузинской ССР.

Работа с молодыми грузинскими писателями за последние два года значительно улучшилась. В клубе и во всех секциях ССП Грузии за 1946 год и в начале 1947 года было проведено около 20 вечеров, посвященных творчеству отдельных молодых авторов. В обсуждении произведений принимали участие крупнейшие поэты, драматурги, прозаики и критики. Несколько лекций по дифференции по актуальным вопросам было проведено партийной организацией ССП Грузии. Наша газета «Литература для молодежи» («Литература и искусство») и журнал «Митавоби» систематически печатают произведения молодых писателей, а порой посвящали им целые страницы и отделы. Это способствовало привлечению и выявлению нескольких весьма одаренных молодых авторов. В течение 1946 года отдельными сборниками были выпущены произведения Р. Маргани, И. Нонешвили, А. Шенгелия, В. Горганели, М. Лебанидзе, О. Чепелидзе, Т. Джангулашвили и Г. Салукавадзе.

В издательстве «Звезда Востока» скоро выйдет сборник стихов И. Нонешвили на русском языке. Намечен к изданию сборник стихов Р. Маргани. В планах издательства «Сабхота Меракли» («Советский писатель») и «Депонизат» Грузии на 1947 год книги молодых писателей Грузии узелено еще больше внимания. Параллельно ведется значительная работа по переводу их произведений на русский язык.

На Всесоюзном совещании Грузии пошлет поэтов, которые уже пользуются заслуженной популярностью среди читателей. Та-

ковы — И. Нонешвили и Р. Маргани, у каждого из этих поэтов в активе по 4 изданных сборника стихов, получивших общее признание.

В данное время президиум ССП Грузии составляет сборник произведений молодых поэтов и прозаиков. Сборник выйдет к 30-летию Октября. Мы надеемся, что он будет лучшим доказательством того, что в грузинской советской литературе есть достойная смена в лице талантливой молодежи, которая беззаветно служит великой и непобедимой стране Советов.

Узбекистан

ТАШКЕНТ. (От наш. корр.). На страницах областных и республиканских газет в литературных журналах издаваемых в Узбекистане, все чаще появляются имена молодых писателей. Для оказания помощи начинающим Союз советских писателей Узбекистана решил провести в апреле 1947 года конференцию-курсы, рассчитанные на 20 дней. На конференции приглашаются 30 молодых писателей из крупнейших городов — Самарканда, Анджана, Ферганы, Бухары и из области Узбекской ССР. На конференции будут прочитаны лекции на темы: «Учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина о художественной литературе», «Как нужно пользоваться литературным наследством», «Об этике советской молодежи», «О современной русской литературе», «Как пользоваться фольклором» и другие.

Прибытие в Москву делегации писателей Югославии

18 февраля в Москву, по приглашению Союза советских писателей СССР, прибыла делегация писателей Югославии. В ее составе видные литературные и общественные деятели Югославской республики — заместитель председателя Союза писателей Югославии поэт Радован Зогович, критик Фердо Козак, редактор журнала «Младость» поэт Душан Костич, генеральный секретарь Союза писателей Югославии поэт Чедомир Миндерович, поэт Марко Враньшевич и Марин Франчичевич, поэт и драматург Славоко Яневский. На снимке: писатели Югославии в музее Революции.

Фото И. Тиньшера, Фотохроника ТАСС.

НАС ВОЛЯ СТАЛИНА ВЕЛА

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ — СОЛДАТЫ ВЕЛИКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОДИНЫ

Л. ИЗМАЙЛОВ

БОЕВОЕ БРАТСТВО

Борис ЛАВРЕНЕВ

Два поколения

Двадцать лет назад, накануне десятой годовщины Октября, Большой драматический театр им. Горького в Ленинграде обратился ко мне с предложением написать пьесу для юбилейного спектакля. Мой драматургический стаж в те годы исчерпывался двумя незрелыми пьесами.

Тогда советский театр лихорадило всеобщие «измамы». Я был уверен, что советскому зрителю не нужно шекспировских патологических изысков. В стране ждали и работали здоровые люди.

И, начиная работу над пьесой, я поставил себе задачу написать о моих современниках, с которыми я жил и проходил путь моей Родины — без лукавства и ужимок, с максимальной простотой и жизненной правдой, состоящей в работе романтично-приподнятой эпохи с трезвым, реалистическим изображением людей и характеров.

«Разлом» пьеса о героическом поколении моряков 1917 года. «Разлом» не был свободен от недостатков, и недостаток крупных. В нем было немало примитивности и примитивизма в изображении событий. И в 1943 году, просмотрев пьесу, я коренным образом переработал ее. Но было в «Разломе», на мой взгляд, и положительное — стремился к тому, чтобы на сцене появились не условные маски, а живые люди семнадцатого года, какими их видел я в дни Октября.

Оглядываясь сегодня на «Разлом», убеждаюсь, что принципы реализма в советской драматургии, которым я следовал в те дни больше интуицией, чем сознанием, были единственно верными. В этом меня убеждает сегодняшний день.

Годы Великой Отечественной войны были не только годами великих испытаний духовной силы народа, создавшего наше отечество — Советский Союз и с честью отстаивавшего его в жестокой борьбе. Они были и большой школой для каждого советского человека, в том числе и для советского писателя. В эти годы мы, сорпикавшиеся с нашими современниками, одетыми в солдатские и матросские шинели, увидели (кто не был слеп) нового советского человека, вышедшего за двадцать пять лет существования нашего государства, воспитанного большевиками. Мы увидели замечательные вторые поколения Октября, сыновей тех бойцов, которые зарили над шестой частью планеты солнце социалистической революции.

В наших молодых согражданах — Николае Гастелло, Александре Матросове, Иване Голубе и других героях, отдавших свои жизни за честь и свободу Родины, мы узнали прямых наследников красногвардейцев и красноармейцев первых лет революции.

Характер советского человека, которого мы видели на войне, был отменным сорванным достоинством простоты. В наших войнах не было и тени позы, рисовки, театральности. Подвиг — во имя ли труда или во имя боевого долга — стал естественным качеством нового поколения наших людей, прямым свойством советского характера.

Аморальные проблемы в дни войны и после нее приобрели особенно важное значение в жизни советского человека, глубоко осознавшего свое идейное и этическое превосходство, свой долг служить образцом для всего передового, прогрессивного человечества.

«Писатель, если только он есть нерв великого народа», не может не заметить огромных изменений, происшедших в сознании современного человека, не может пройти мимо идей и проблем, волнующих народ. Это традиция великой русской литературы, достойно унаследованная и развитая литературой советской. Мы — народ, любящий правду. На правду народную писатель может отвечать только правдой. Правда искусства — национальная гордость русской литературы. Наша литература полна литературно-деятельностной капиталистического мира, лишенной искренности, задушающей в сукожных путях пустого фокусничества и трюкачества.

Пьесу «За тех, кто в море!» я написал в счет оплаты моего грандиозного долга моим современникам, принесшим в мой творческий мир неисчислимые сокровища. Я писал эту пьесу, руководствуясь законом жизненной правды и стараясь следовать лучшей традиции русской драматургии — драматургии Чехова, в пределах моего понимания и моих возможностей.

Амортизировать себя задачей — показать среду советских военных моряков такой, какой мне пришлось ее видеть в боевые дни, чтобы донести до зрителя все очарование этой среды, своеобразности и свежести человеческих характеров, воспитанных морем и морской службой, характеров прямых, гордых, упорных, полных широты и простоты. Мне хотелось показать атмосферу другого коллектива людей, которых самые условия профессии скрепляют прочной братской и товарищеской связью, людей прочной морали и беспощадной к себе и другим этической требовательности. Показать в условиях тяжелого, но полного романтики боевого труда. И показать, как эта среда воспитывает своих соотечественников, как разрешаются в ней большие принципиальные конфликты.

Но, работая над пьесой о моряках, я старался разрешить ее так, чтобы она вышла за узкие грани профессиональной «морской темы», чтобы ее события могли заинтересовать и заставить задуматься любого советского человека, независимо от поколения, возраста и пола. Ибо основное в пьесе — не «морская специфика», а ее общие и близкие всем советским людям моральные и этические проблемы.

Я глубоко удовлетворен тем, что в пьесу вошли лучшие сценаристы Советского Союза: пьеса наша себе сценическое воплощение, помимо других театров, в Театре Красной Армии. Это для меня большая радость.

«Василий Теркин» А. Твардовского, одно из наиболее талантливых произведений советской литературы военных лет, завоевавшее любовь широких читательских масс. Пьеса получила высшую оценку: она отмечена Сталинской премией. На снимке: Фронтиспис и титульный лист «Василия Теркина», вышедшего в Военизгате в Военизгате в рисунками О. Вереского. Переплет и оформление книги С. Телингатера.

Письма друзей

В книгу «Писатели в Отечественной войне», издающую Государственным литературным музеем, вошло 112 писем. Из десятков тысяч читательских откликов на книги, статьи, произведения, рожденные в войне, редакция сборника отобрала горстку писем фронтовиков. Даже этот первый, робкий опыт печатной читательской конференции эпохи Отечественной войны говорит о многом: и о великой силе советской литературы, ставшей, по образному выражению А. Толстого, «голосом героической души народа», и о богатстве духовных интересов, чистом и прекрасном обличье людей Советской Армии. И, наконец, о дружбе, крепкой, нерушимой дружбе советского читателя и советского писателя.

Сергачев Козлов, с первых дней войны сражавшийся на фронте, пишет Михаилу Исаковскому по поручению красноармейцев своей части. Он просит его, называя за «экскаватором» критикой: «Лекции о Вашей поэзии никогда не слушал и поэтому прошите за чрезмерную откровенность и ва, возможно, некоторые ошибки».

Но вот он начинает говорить о любимых стихах: «Зерно Вашей поэзии падает как раз из благодарную почву. «Туманы, мои туманы» — широкое, свободное стихотворение с полной надеждой на скорую победу. Смоленские туманы. Они выходят узкой полосой из чистого озера с печальным дном, затем разливаются по низким местам, задирают все неровности, и получается ровная, чистая гладь, широкая, свободная. Парунаское движение из малого, одиночного сливается в общее, большое, грозное. А Ваши слова, чистые, простые, понятные, легко укладываются в «душу» смысл событий».

В письме А. Суркова с переднего края, отправленного 1 июня 1943 года, заместитель командира по политической части Владимир Брагин рассказывает о гибели одного из бойцов подразделения: «...Пуля попала в самое сердце бойца. Когда мы достали из его гимнастерки партийный билет, из него выпал кусочек березки хранимого листа газетной бумаги, залитого кровью. Сквозь яркие капли крови — строки стихов Алексея Суркова «Родина».

«Свойствам, да речушка узкая, Да синий бор, да желтые поля. Ты всех минув, всех дорожек, русская Сувенирница желтая земля».

Бойцы партизанского отряда «Имени 25 лет Октября» поздравляют А. Н. Толстого с шестидесятилетием. Адрес отправления: «Тыл врага». «...Мы пишем Вам свое письмо на трофейной немецкой бумаге и трофейным карандашом в чистом слюном лесу, в землянках. Пишем потому, что в одном бою, при разгроме школы диверсантов гестапо мы отбили Ваш замечательный труд «Петр I». В перерывах между боями эта книга переходит из рук в руки».

Этот мотив проходит через многие письма к писателям. «С Вашими стихами, — пишет Константин Симонову А. Штофф, — «Писатели в Отечественной войне 1941-1945 гг.», Письма читателей. Предисловие Д. Васильева, Составил П. Шанес. Гослитиздат, Москва, 1946, 138 стр.

Мих. МАТУСОВСКИЙ Вечная слава

Памяти наших товарищей

Вы увидите в клубе советских писателей выделанную в глубокую нишу, по-солдатски строгую доску, на которой золотыми буквами в три ряда будут нанесены имена писателя-москвича, погибших в годы Великой Отечественной войны. С волнением вглядываемся мы в скорбный список наших фронтовых друзей — людей, бывших верными соратниками до последней строки своего дневника, до последнего патрона в обмороке. Всех их, писателей разных возрастов, воинских званий и талантов, предсмертных различных фронтовых газет, породила одна вера — в победу, одна любовь к народу, одна участь на ратном поле. Они прошли путь с нашим бойцом, честно деля все, что выпало на его долю, — и труд, и зной, и непогоду, и славу, и смерть. Под мохнатыми ветвями высоких брянских сосен, в прохладной тени северо-польских скал, в широких допетровских степях, на пологих берегах Волги остались их могилы с фанерными звездами из изоловья. Пулями раны и кровью помечены страницы неподписанных писем и книг.

Когда-нибудь еще напишут книгу о трудном пути-бытие фронтового бродяги-газетчика, о пути на передовых машинах в дождь и сыпоть, о самолете, улетающем на рассвете в Москву, об очерке, который во что бы то ни стало должен попасть в номер. Так жил и работал подполковник Евгений Петров. Он торопился побывать повсюду — на севере и на юге, ничто не пересказывая с чужих слов, во все вглядываясь глазами, вникая в детали, чуть-чуть расковыряв глазами. Его интересовало всё — и героизм рядовых советских бойцов, и будничная, повседневная быт войны. Ему дорого было умение людей ловко, по-хозяйски обживать шалаши и землянки, строить свою жизнь удобно и ладно, с расчетом на завтрашний день. Перечитав его фронтовые дневники, изданные «Советским писателем». Написанные торопливо, вечным пером на жестком кожаном командирском планшете, они навсегда сохранили для нас черты и дыхание тех памятных дней. С вниманием отсылаем Петров на фронте признаки будущей победы — в слухах, в письмах, в поступках людей. Это, в сущности, и составляет основную тему его фронтовых дневников.

Велика наша Родина! Есть такие маленькие гордыки, такие селения, о которых писатели, может быть, и не слышали.

Неподалеку от Ола, среди русских деревень, стоит село Шукурово, некогда Золотаревка, названная ныне по фамилии сержанта Ахметжана Шукурова. В бою за Золотаревку сержант перебил десятка гитлеровцев, и тогда они сосредоточили огонь на пулемет Шукурова. Обезоруженный, он переполз к броненному немецкому пулемету, отгнем прижал гитлеровцев к земле и заставил бежать от Золотаревки. Он спас село на Орловщине. Вот почему село носит теперь фамилию Шукурова и вот почему на родине сержанта, в Узбекистане, члены артели «Пахта-Чилик» присвоили родному колхозу имя Ахметжана.

Так поднялась в разных краях советской земли слава боевого сержанта. Ахметжан Шукуров — человек у нас обычный, не исключение Сержант, который отдал большую русскую селению свою фамилию, а узбекскому колхозу свое имя, надяк избран депутатом Верховного Совета Узбекской ССР. Может быть, Угун или Гулям уже написали стихи о сержанте, а народный акын спел о нем первые строфы.

Десятки народов стояли на-смерть у стен Сталинграда, Севастополя, знала моряков, сыновей Амангельды, пришедших с безводной азиатского материка. И всюду, на всех фронтах, были писатели всех народов. Они воевали, видели, запомнили.

Не мало писателей пережили те же высокие чувства, что и сержант Шукуров; эти чувства пережили и Шалы Кекиллов, родившийся на туземской земле у самых границ Ирана и сражавшийся против врага на Карельской студенкой земле. То же испытал и татарский писатель Абдурахман Абсаямов — на той же земле Карелии.

Перед писателями, вернувшимися с фронта, мир широко открылся во все стороны. Как и советские солдаты они оцищали родную землю от врага, прошли с боями и по земле недруга, ханта в сердце свои Золотаревки и свои Пахта-Чилик. Многие в эти годы записались в сердцах русских и украинцев писателей, писателей Грузии и Белоруссии, в сердцах чувашей, марийцев, армян, кумыков, азербайджанцев, аварцев, всех тех, чье ремесло познавать жизнь, создавать мечту, которая становится действительностью.

Живя одним чувством с советским народом, в общей борьбе, наши прозаики и поэты с особой силой почувствовали, о чем отныне и как надо им писать. Свой новый творческий долг очень хорошо понял на фронте талантливый алдыгейский новеллист Аскер Евтых, — скоро в свет выходит его повесть о разгроме гитлеровцев на Кавказе. Этот творческий долг хорошо почувствовал украинский поэт Платон Воронько; его сильные, непосредственные по чувству партизанские стихи известны всем.

Украинский поэт Константин Герасименко встретился с бесчисленными зверствами немцев в Донбассе и на Кавказе — потрясение и гнев стали материалом корреспонденции Герасименко для армейской газеты «Звезда советского» и для горячих стихов его похвальной тетради.

Большой фронт открылся балетисту Сергею Борзенко, сражавшемуся в десанте, окруженном немцами на «малой зем-

А. ТВАРДОВСКИЙ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Как многие наши писатели и поэты моего поколения, и обязан Советской Армии богами, и может быть, главным этапом в своем творческом развитии.

Осенью 1939 года я был призван в ряды армии и участвовал в освободительном походе наших войск в Западную Белоруссию. По окончании похода я был уволен в запас, но вскоре вновь призван, и уже в офицерском звании, но в той же должности спецкорреспондента военной газеты, участвовал в войне с фашистской Финляндией.

Меслями этой работы в условиях суровой зимы сорокового года, мое участие в создании фельетонного персонажа Васи Теркина, которому я положил начало в газете «На страже родины», в какой-то мере предвзвешивала для меня как собственные военные впечатления Великой Отечественной войны, так и

направление моей основной литературной работы в эти годы. Но дело в том, что глубина всенародно-исторического бедствия и всенародно-исторического подвига в Отечественной войне — что ни было войн и тем более военных кампаний.

Главной моей работой за годы войны является «Книга про бойца». Каким бы ни было ее собственное литературное значение, для меня она была истинным счастьем находки. Она дала мне ощущение законности места художника в великой борьбе народа, ощущение очевидной полезности моего труда, чувство полной свободы обращения со стихом и словом в естественно сложившемся или, по счастью, угаданной форме изложения.

«Теркин» был для меня во взаимоотношении с его читателем воюющим советским человеком, моей лирикой, моей публицистикой, песней и поучением, анекдотом и притчей, разговором по душам и репликой к случаю.

Почти одновременно с «Теркиным» я начал еще на войне писать, но закончил уже после войны лирическую хронку «Дом у дороги». Тема ее — война, хотя и иной стороны, чем в «Книге про бойца», — со стороны дома, семьи, любви, материнства, со стороны обретения в войне, в победе надежды на счастье мирной жизни.

И о чем бы я ни писал еще, я, наверно, во всю мою жизнь не смогу отойти от сурового и величественного, бесконечно разнообразного и еще так мало приоткрытого мира событий, человеческих судеб, переживаний и впечатлений военных лет.

Ничего нельзя доверить себя к простым, безыскусным словам командира-танкиста, на руках у которого скончался писатель и редактор Борис Ивантер: «Я призыв к смерти которого я знал какой-нибудь час, не могу забыть и наверное не забуду. Знаменательный разговор произошел на поле боя между Ивантером и этим командиром. Писатель сказал, что, вернувшись в редакцию, он обязательно напишет очерк о бесстрашном характере своего подопытка.

— Тогда и я напишу, — улыбаясь ответил офицер с маленькими серебристыми танками в петлицах. — Правда, очерк или рассказ у меня не выйдет, но уж я изложу свои мысли в докладной записке о том, как вел себя настоящий писатель, настоящий большевик!

Одно за другим проходят перед нами знакомые и дорогие имена: Александр Роксин, Юрий Сержук, Иван Меньшиков, Иосиф Уткин. Джек Алтаушев, Валдим Стрельченко... — повторяем мы уже не губами, а только одним сердцем. Сколько здесь незавершенных планов, незаконченных книг, непонятных строчек. Они как бы закупают нам все то, что не пришлось додумать, допеть, дописать при жизни. Солдаты, они не нуждались в черных рамках и похоронных маршах. Их книги и сегодня еще учат людей жизни. Они продолжают и сегодня разговаривать с читателем, спорить, любить и ненавидеть, не выпуская из рук своего оружия.

«Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины» — это слова неизменно повторялись в каждом сталинском приказе, отменявшем путь нашей армии. Эти слова можно поставить эпиграфом к творчеству, к жизни и смерти советских писателей, павших смертью храбрых на грозных и дымных полях Великой Отечественной войны.

Почти одновременно с «Теркиным» я начал еще на войне писать, но закончил уже после войны лирическую хронку «Дом у дороги». Тема ее — война, хотя и иной стороны, чем в «Книге про бойца», — со стороны дома, семьи, любви, материнства, со стороны обретения в войне, в победе надежды на счастье мирной жизни.

И о чем бы я ни писал еще, я, наверно, во всю мою жизнь не смогу отойти от сурового и величественного, бесконечно разнообразного и еще так мало приоткрытого мира событий, человеческих судеб, переживаний и впечатлений военных лет.

Ничего нельзя доверить себя к простым, безыскусным словам командира-танкиста, на руках у которого скончался писатель и редактор Борис Ивантер: «Я призыв к смерти которого я знал какой-нибудь час, не могу забыть и наверное не забуду. Знаменательный разговор произошел на поле боя между Ивантером и этим командиром. Писатель сказал, что, вернувшись в редакцию, он обязательно напишет очерк о бесстрашном характере своего подопытка.

— Тогда и я напишу, — улыбаясь ответил офицер с маленькими серебристыми танками в петлицах. — Правда, очерк или рассказ у меня не выйдет, но уж я изложу свои мысли в докладной записке о том, как вел себя настоящий писатель, настоящий большевик!

Одно за другим проходят перед нами знакомые и дорогие имена: Александр Роксин, Юрий Сержук, Иван Меньшиков, Иосиф Уткин. Джек Алтаушев, Валдим Стрельченко... — повторяем мы уже не губами, а только одним сердцем. Сколько здесь незавершенных планов, незаконченных книг, непонятных строчек. Они как бы закупают нам все то, что не пришлось додумать, допеть, дописать при жизни. Солдаты, они не нуждались в черных рамках и похоронных маршах. Их книги и сегодня еще учат людей жизни. Они продолжают и сегодня разговаривать с читателем, спорить, любить и ненавидеть, не выпуская из рук своего оружия.

«Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины» — это слова неизменно повторялись в каждом сталинском приказе, отменявшем путь нашей армии. Эти слова можно поставить эпиграфом к творчеству, к жизни и смерти советских писателей, павших смертью храбрых на грозных и дымных полях Великой Отечественной войны.

Почти одновременно с «Теркиным» я начал еще на войне писать, но закончил уже после войны лирическую хронку «Дом у дороги». Тема ее — война, хотя и иной стороны, чем в «Книге про бойца», — со стороны дома, семьи, любви, материнства, со стороны обретения в войне, в победе надежды на счастье мирной жизни.

И о чем бы я ни писал еще, я, наверно, во всю мою жизнь не смогу отойти от сурового и величественного, бесконечно разнообразного и еще так мало приоткрытого мира событий, человеческих судеб, переживаний и впечатлений военных лет.

Ничего нельзя доверить себя к простым, безыскусным словам командира-танкиста, на руках у которого скончался писатель и редактор Борис Ивантер: «Я призыв к смерти которого я знал какой-нибудь час, не могу забыть и наверное не забуду. Знаменательный разговор произошел на поле боя между Ивантером и этим командиром. Писатель сказал, что, вернувшись в редакцию, он обязательно напишет очерк о бесстрашном характере своего подопытка.

— Тогда и я напишу, — улыбаясь ответил офицер с маленькими серебристыми танками в петлицах. — Правда, очерк или рассказ у меня не выйдет, но уж я изложу свои мысли в докладной записке о том, как вел себя настоящий писатель, настоящий большевик!

